SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- П. Я. Левенсон
  -
  - Предисловие
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

П. Я. Левенсон
Иеремия Бентам. Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк П. Я. Левенсона

С портретом Бентама, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

Имя знаменитого английского мыслителя, немало поработавшего на своем долгом веку в пользу человечества, принадлежит к славной плеяде имен неутомимых работников-идеалистов, всецело посвятивших свою изумительную деятельность служению общественному благу. Последователь Монтескье, Гельвеция и Беккариа, он поставил своей жизненной задачей распространение здравых идей, экономических, правовых и гуманитарных, в среде культурного общества обоих полушарий. Заслуги, оказанные Бентамом своему отечественному законодательству, признаны лучшими умами Великобритании. Никто не станет оспаривать преобладающего значения Бентама в среде выдающихся правоведов остальной Европы. Этот «великий учитель для жизни и науки», как его называет Роберт фон Моль, занимает в истории развития правосознания в среде европейских народов такое же место, как Макиавелли, – в противоположном, конечно, смысле. Глубокий след оставил Бентам и в истории русского права. Труды его не были забыты ни Сперанским, ни составителями «Судебных Уставов» 20 ноября 1864 года. Бентам живо интересовался русскими делами, не раз бывал в России, пользовался расположением князя Потемкина, переписывался с императором Александром I, принимал деятельное участие в реформаторском движении, охватившем лучшую часть общества в начале александровского царствования. Он вел переписку с победоносным императором, с Мордвиновым, Сперанским и другими выдающимися деятелями, с которыми находился в самых дружеских отношениях.

Безупречно чистый человек, истый философ в жизни и в области мышления, Иеремия Бентам стоял в нравственном отношении неизмеримо выше своих учителей, французских энциклопедистов XVIII века. Он во многом напоминает Беккариа, – во многом, но не во всем. Закаленный в житейской борьбе, поставленный далеко не в такие благоприятные условия, как автор трактата «Dei delitti e delie pene», Бентам всю свою жизнь боролся с существующими порядками и у себя на родине, и за ее пределами. Мысль его постоянно занята была преобразованиями разных отраслей права, пересозданием тюремной системы. Гельвеции имел одинаковое влияние на Беккариа и Бентама, оба были одушевлены страстным желанием видеть людское общежитие, развивающее «величайшую сумму счастья между наибольшим числом граждан». Труды этих двух учеников Гельвеция были достойно оценены на далеком севере,

но результаты их деятельности, пути, по которым они шли и, наконец, личные характеры обоих мыслителей были совершенно иные.

Мягкий, благодушный миланский маркиз, счастливый семьянин, в полном расцвете молодости вкусив сладость всемирной известности, скоро опочил на лаврах. Порабощение родины, как видно, не мешало ему пользоваться всеми житейскими утехами. Находясь под покровительством наместника Ломбардии, Беккариа не особенно тяготился цензурой, умело обходил ее подводные рифы и мечтал об уничтожении устарелого здания средневековой юриспруденции. Он довольно равнодушно относился ко всем безобразиям сановников австрийской администрации, всячески содействовавшей сугубому порабощению его родной страны. Беккариа имел в виду исключительно улучшение итальянского судопроизводства, уничтожение пыток, позоривших родину Данте и Микеланджело, мало заботясь о смягчении уголовного законодательства в других странах. Случилось, однако, что вдохновенное слово миланского публициста потрясло сердца всего читающего мира, что его трактат произвел громадный переворот в истории уголовного права, сделался настольной книгой царственных особ, пожелавших и отчасти успевших осуществить, в большей или меньшей степени, заветные мечты молодого энтузиаста. Ему досталось в удел редкое счастье не только дожить до уничтожения пытки, смягчения уголовных кар, но самому принять участие в подготовительных работах для введения в действие новых кодексов, обязанных своим возникновением единственно его пламенной проповеди, блистательно доказавшей полнейшую несостоятельность, теоретическую и практическую, всего того, что считалось неприкосновенным в области права и процесса.

Совсем иначе сложилась жизненная обстановка, при которой пришлось действовать его доблестному последователю, Иеремии Бентаму. Сын свободной страны, всосавший с молоком матери все традиции парламентского режима, молодой Бентам рано понял, что жизнь создана для неустанной борьбы, без которой она теряет всякий разумный смысл, превращается в стоячее болото, заражающее воздух гнилостными испарениями и трупным запахом. Заядлый холостяк, доживший до глубокой старости чуть не отшельником, не согретый женской лаской, не испытавший влияния семейного очага, Бентам никоим образом не мог мириться с порядками, исторически установившимися в его отечестве и в остальной Европе. Это был борец, не положивший оружия до последней минуты, пока смерть не смежила усталые

веки неутомимого протестанта. Деятельность его не ограничивалась пределами родной Великобритании. Он предлагал свои услуги всем народам, всем правительствам, европейским и американским, республиканским и самодержавным, дорожившим его советами, обращавшимся к нему с запросами. Не было ни одной отрасли права, ни одной стороны государствоведения или политической экономии, где авторитетный голос Бентама не явился бы решающим и желанным. Творец целой философской школы, известной под названием утилитаризма, он чутко прислушивался к требованиям практической жизни, не довольствовался одной пропагандой своих взглядов и теорий, но изыскивал способы реформы ссылки, строил образцовые тюрьмы на новых началах. Неудачи не обескуражили его; с настойчивостью, свойственною британскому национальному характеру, он доводил дело до конца, борясь до последней возможности. Он не дожил, как Беккариа, до той блаженной поры, когда человек видит осуществление своих заветных мечтаний в определенных формах, – но большая часть его начинаний не заглохла, они воплотились после его смерти. Чтобы судить о значении этого неугомонного работника, не отмежевавшего себе определенной специальности, надо познакомиться с его сочинениями, – в них сказался человек. Лихорадочная деятельность этого мощного ума, стремившегося к улучшению участи всех людей, согретого неисчерпаемою любовью к человеку, требовала помощников и единомышленников, которые бы занялись детальной обработкой мыслей, набросанных их учителем. Бентаму некогда было заниматься литературной отделкой своих произведений, он не обладал писательским талантом Беккариа, сумевшего облечь свои гуманные мысли в обаятельную форму; он раздавал свои писания, набросанные на отдельных листках, своим ученикам и друзьям, которые перерабатывали этот сырой материал для печати. Не всё, что написано Бентамом, отпечатано; много рукописей, не тронутых рукой добросовестного и умелого популяризатора, какими были Дюмон, Ромильи и другие, осталось в ящиках.

В числе учеников, немало содействовавших распространению его идей, такие крупные величины, как Джеймс Милль и сын его Джон Стюарт Милль. Бентам принадлежит к числу типов, правда, редко встречающихся на континенте, получивших свою силу и значение только благодаря условиям английской общественности. Борьба им нужна, как воздух; без борьбы они немыслимы, она закаляет характер, но не ожесточает их сердца. Вождь английских радикалов, умело проводивший в общество свои, любимые взгляды посредством основанного им в 1823 году

журнала «Westminster Review», Иеремия Бентам, воевавший со всеми, начиная с родительской власти, учительского авторитета и кончая королем Георгом III, сохранил до конца дней своих изумительную душевную чистоту, ясность ума, бескорыстную любовь, идеальную преданность для всего человечества. Эта чистая личность представляет собою такую крупную величину, умственную и нравственную, такой величавый характер, достойный лучших времен классической древности, что ближайшее знакомство с внутренним миром его богато одаренной натуры, не зарывшей свои таланты в землю, является в высшей степени интересным и поучительным. Для уразумения идеалов Бентама надо проследить его жизнь, при наличности исключительных условий, давших возможность этому замечательному человеку занять то место в новейшей истории европейского общества, какое ему по праву отведено потомством. Мыслитель, юрист, экономист, политический деятель, публицист, филантроп, он имел в виду одну только цель – всеобщее благо, «увеличение суммы наслаждений, уменьшение количества страданий», тот именно утилитаризм, который был для него путеводной звездой во всё течение его продолжительной жизни, или, вернее, деятельности, бывшей у него синонимом жизни.

Глава I

Семейное положение. – Детство. – Учение под руководством отца. – Школьные годы. – Оксфордский университет. – Блэкстон. – Блестящие успехи в науках. – Адвокатура. – Неудачный дебют. – Выход из сословия. – Бентам всецело посвящает себя научной деятельности. – Отрывок о правительстве. – Успех в обществе. – Личность и роль Дюмона

Иеремия Бентам родился в Лондоне 15 февраля 1748 года. Он принадлежал по рождению к зажиточной адвокатской фамилии, где занятие адвокатурой считалось наследственным и переходило из поколения в поколение. Отец его был большой делец, составивший себе порядочное состояние, отчасти своей профессиональной деятельностью, отчасти удачными спекуляциями по покупке и продаже земельных участков. Овдовев довольно рано, он вторично женился на вдове доктора Джона Эббота, у которой был сын от первого мужа, Чарлз, ровесник Иеремии. Оба мальчика росли вместе, получив серьезное воспитание под руководством отца, который возлагал большие надежды на блестящую будущность своего сына. Способности хилого, болезненного, малорослого Иеремии были поразительны для его возраста. Четырех лет от роду он на коленях у отца, под руководством последнего, принялся за греческий язык; быстрые успехи, достигнутые замечательно даровитым мальчиком, поразили окружающих. Такие же успехи показал он и в латинском языке. Он так основательно изучил древние языки, что, как рассказывают, восьми лет от роду уже сочинял латинские оды, а через два года бегло писал по-гречески. Врожденное дарование, усидчивость и страсть к чтению исторических книг обратили на него внимание преподавательского персонала Вестминстерской школы, где юный Бентам считался одним из самых блестящих воспитанников. Когда он выдержал вступительный экзамен в Оксфордский университет, то, глядя на мизерного студента, никто верить не хотел, что этому питомцу одного из лучших английских университетов всего 13 лет – возраст, немыслимый для слушания лекций в высшем учебном заведении. Иеремию считали карликом, потому что его сверстники еще зубрили синтаксис и корпели над решением уравнения первой степени.

Под руководством многоопытных профессоров Оксфорда из юноши Бентама, с виду похожего на карлика, выработался

отличный знаток классической литературы, прекрасно владевший обоими древними языками. Все экзамены выдержал он с большими успехами и шестнадцати лет от роду получил первую ученую степень бакалавра (bachelor of arts). Со степенью Master of arts 20-летний юноша кончил университетский курс – в таком возрасте, когда большинство студентов только переступает через порог академической аудитории.

Время, проведенное в университете, оставило в Бентаме осадок горьких разочарований. Бездушный формализм, излишняя придирчивость школьной дисциплины, царившей в высшем учебном заведении и, наконец, сам метод преподавания были ему противны. Начиная с классических языков, которые ему скоро опостылели, хотя он их прекрасно знал, и кончая лекцией своего знаменитого преподавателя, профессора Блэкстона, о естественном праве, он во всем видел недостатки, бросающуюся в глаза фальшь, сплетение более или менее удачных софизмов, полнейшую практическую неприменимость. В этой огульной критике школьной системы, которую он постоянно так сурово осуждал, Бентам совершенно сходился с мнением другой знаменитости – творца политической экономии Адама Смита.

Иеремия воспитывался вместе со своим сводным братом Чарлзом Эботом. Житейская опытность отца, зорко следившего за развитием обоих юношей и снабжавшего их своими практическими советами, нашла послушного последователя не в родном сыне, как он предполагал, а в пасынке. Чарлз, не мудрствуя лукаво, шел по проторенной дорожке и, как истый Молчалин, постоянно преуспевал в жизни, беря от нее все, что можно было взять. Он имел успех сначала в адвокатуре, затем в политической деятельности, достиг звания «спикера» (председателя) палаты общин и закончил свой жизненный путь в звании члена палаты лордов, с титулом лорда Колчестера.

Совсем иначе устроил свою жизнь строптивый Иеремия. Разлад теории с практикой, несоответствие отвлеченной доктрины с требованиями житейской действительности глубоко шокировали нравственно чуткого юношу. При поступлении в университет ему предложили дать подписку в принадлежности к господствующей англиканской церкви и соблюдении всех ее правил. Это была обычная формальность, которую все студенты обыкновенно проделывали машинально. Так поступил и его брат, Чарлз. Но Иеремия полюбопытствовал подробно ознакомиться с содержанием 39 параграфов этого документа. Он его нашел лишенным всякого разумного смысла и вдобавок противным духу Св. Писания. Эти сомнения он откровенно высказал начальству, которое объявило ему строгий выговор за недостаток

субординации и дерзостное порицание обычая, установленного высшими властями. Делать нечего, пятнадцатилетний протестант должен был скрепя сердце подписать документ. Эта вынужденная сделка со своей совестью внушила ему глубокое омерзение, и он всю жизнь чувствовал отвращение к подобным, насильно вырванным обязательствам.

По окончании курса юридических наук Бентам должен был записаться в сословие местных адвокатов. Отец его, имевший обширную практику, давно лелеял мысль о том, что его высокодаровитый сын, так рано окончивший курс наук, сделается не только гордостью семьи, где эта профессия была преемственна, но украшением целого адвокатского сословия. Этим розовым надеждам чадолюбивого отца, увы, не суждено было осуществиться. Взгляды отца и сына на задачи адвокатской деятельности совершенно расходились. Сын относился к вопросу о гонораре крайне небрежно, тогда как для такого практика, каким был отец Иеремии, этот вопрос представлял величайший интерес, о котором он не мог равнодушно говорить. Вместо того, чтобы стараться о приумножении тяжб, молодой 20-летний «баристер» старался склонить стороны к мировому соглашению. Он был счастлив, когда его надежды увенчивались успехом.

– Когда я впервые вступил на адвокатское поприще, – говорил он, – мне дали два-три дела. Первою моею заботою было закрыть их в самом начале, и мои усилия не были безуспешны.

Клиенты, не привыкшие к такому проповеднику мира, были удивлены, услышав приглашение к примирению, советы прекратить распри. Был ли доволен отец начинающего адвоката подобным наплывом примирительных чувств – другой вопрос.

Причина этого отвращения молодого юриста к навязанной ему специальности заключалась в ее тогдашнем безобразном состоянии в Англии, в массе противоречивых законов благодаря отсутствию кодификации, в преобладании бессмысленных форм, в разных подвохах и уловках, практиковавшихся при защите дел на суде. Бентам был слишком чистоплотный человек, чтобы не брезговать подобными приемами, оскорблявшими его нравственное достоинство, приемами, недостойными уважающего себя общественного деятеля. Как натура цельная, неспособная ни на какие компромиссы, Бентам нашел единственное средство выйти из этого положения – расстаться с адвокатурой, несмотря на протест отца и на ухудшение своего материального положения.

Милль вполне одобряет этот поступок молодого человека. Все судьи и адвокаты, говорит он, сознают это положение, но совесть этих ученых людей мало смущается. Напротив, при каждом

удобном случае они провозглашают, что английское законодательство – это венец человеческого ума. Тысячи молодых людей в течение целого ряда поколений находились и находятся теперь в тогдашнем положении Иеремии. «Один только Бентам имел довольно нравственной чувствительности и независимости ума, чтобы сказать себе, что между словом и делом лежит целая пропасть. Только редкому единению независимости духа и нравственной высоты мы обязаны тем, что Бентам поступил так, а не иначе».

Перспектива предстоявших тяжелых лишений, неизбежных при жестокой борьбе за существование, не испугала молодого человека. Решение его было бесповоротным и стоило ему многих нравственных страданий – при виде отца, глубоко огорченного поступком своего любимого «fils Ieremy», как он любил называть его по-французски.[1] По свойству своей натуры Бентам имел менее всего шансов сделаться юристом-практиком. Резкий контраст, существующий между отвлеченными правовыми нормами и их осуществлением на практике, производил отталкивающее впечатление на молодого мыслителя, ценившего философскую систему права, ничего общего не имеющую с тупым идолопоклонством перед буквой часто меняющихся законов.

Задумав посвятить всю свою жизнь науке, Бентам решился разрушить устаревшие предрассудки, тщательно охраняемые английскими правоведами, поколебать авторитет своего бывшего профессора Блэкстона и на развалинах этих повергнутых кумиров создать новую науку, основанную на философских началах права и морали. Он начал работать, новые мысли ложились на бумагу в виде отдельных заметок и конспектов. В этой массе заметок лежали зародыши позднейших замечательных трудов. В чтении, размышлении и набросках новых мыслей, поразивших его ум, заключалась подготовительная работа для грядущей деятельности, прославившей его имя наряду со знаменитейшими мыслителями новейших времен. Процесс своего постепенного самосовершенствования он объясняет следующим образом:

> «Самым интересным годом был для меня, – писал он впоследствии, – 1789 год. Я начал прозревать практическую философию. Монтескье, Баррингтон, Беккариа, Гельвеций, особенно Гельвеций, навели меня на дорогу принципа пользы. Однажды я набросал на бумагу несколько туманных заметок по этому предмету и с радостью полюбовался своей работой. Помнится, передо мной возник вопрос: согласился ли бы я получить за этот клочок бумаги 500 фунтов стерлингов? При всей

своей тогдашней бедности, я ответил: нет, ни в каком случае».

Несмотря на огорчение, причиненное своему отцу выходом из сословия адвокатов, последний взирал с большим упованием на ученые занятия своего «fils Ieremy». Он был слишком уверен в блистательных способностях своего сына, ревниво следил за его занятиями, понукал его, надоедал ему, терзался, что его работа туго подвигается вперед, не подозревая всей мучительной пытки, доставляемой сыну этими понуканиями. «О, бедный fils Ieremy, – писал сын, – как меня терзали! По понятиям моего отца, я слишком медленно преуспевал в своих работах. Я отыскивал новые пути, постоянно освобождался от множества предрассудков, делал открытия то здесь, то там, стараясь согласовать новые сведения со старыми».

Как ни медленно, по мнению нетерпеливого отца, двигалась работа, а материал постепенно накоплялся. В 1777 году Бентам выступил, наконец, перед читающей публикой со своим первым значительным трудом, озаглавленным «A Fragment on government». Этот «Отрывок о правительстве», вышедший без подписи автора, произвел большую сенсацию смелостью мыслей, высказанных в оригинальной форме, и изяществом слога, что у Бентама вообще составляет большую редкость. Этот труд был исключительно направлен молодым автором против доктрины его бывшего оксфордского профессора, Блэкстона, главы господствовавшей школы правоведов-казуистов, восторженных поклонников тогдашнего порядка вещей и «счастливой конституции» Англии. Книга имела большой успех, она нанесла смертельный удар излюбленным теориям Блэкстона. Публика решила, что подобный труд, призывающий людей сбросить с себя тираническое иго авторитета, пропитанный разъедающей критикой, вышел из-под пера выдающегося юриста или общественного деятеля. Авторские права поочередно приписывались то лордам Кемдену, Мэнсфилду, то Бёрку или лорду Эмбертону. Книга пошла ходко, ее раскупали нарасхват. Отец был вне себя от восторга и на радостях не удержался от соблазна разболтать под шумок, что автор этого сочинения вовсе не знатный лорд, а его юный сын… Эта ненужная откровенность значительно повредила материальному успеху издания. Публика, узнавшая настоящее имя автора, оказавшегося неудачником-адвокатом, сразу остыла, сбыт книги прекратился. Но ее успех все-таки открыл молодому человеку вход в лучшие дома избранного общества, сблизил его с замечательнейшими людьми Англии и Франции.

Успех в обществе и поражение на книжном рынке ничуть не смутили Бентама. Не таков он был, чтобы его голова закружилась от мимолетных успехов мишурного блеска, чтобы он растерялся от первой неудачи. Перед ним была одна цель – общая польза; ей-то он и посвятил всю свою жизнь, об остальном же мало заботился. Бентам так был поглощен величием предстоявшей ему трудной жизненной задачи, что не обращал внимания на остальной мир, не имевший прямого отношения к занимавшим его вопросам – о законодательстве, его пределах, злоупотреблениях и средствах уврачевать эти недуги. Вся жизнь его прошла в развитии и распространении идей, которые он считал спасительными для человечества. Он не смотрел на людское общежитие с точки зрения модного теперь «patriotisme du clocher»,[2] мало отличающегося от взглядов полудиких племен Центральной Африки, полагающих, что личное благосостояние и общественное процветание должно быть приобретено за счет разорения соседа. Бентаму был дорог человеческий род во всей его совокупности, без разделения на расы, национальности, вероисповедания, касты и сословия. Истинная цель законодательства должна заключаться, по его мнению, в пользе и счастье людей как таковых. Все, что препятствует достижению этого идеала, должно быть устранено. Законодательство, проникнутое подобными возвышенными стремлениями, содействует устранению всяких международных распрей, водворению мира и братского единения на земле. Поразительная способность Бентама анализировать исторически сложившиеся факты, расчленять их составные элементы, очищать существенное от наносного, обнажить nervus rerum желанного и необходимого преобразования может сравниться только с его глубокой, всеохватывающей гуманностью, которою проникнута вся его долголетняя деятельность, выразившаяся во множестве сочинений. Всю силу своего мощного духа, согретого чистой любовью к человечеству, он употребил на борьбу со злом, укоренившимся в существующем праве, на то, чтобы *вырвать* это зло с корнем, заменив его более целесообразными *принадлежностями права,* добром, пользой как продуктами правды и морали. Предстоявшая задача обновить дух законодательства, распространить в правящих сферах европейского общества идеи, вытекавшие из громадного переворота, произведенного Великой французской революцией, была слишком велика для сил одного человека, хотя бы даже такого замечательного мыслителя, каким является Бентам. Он слишком страстно относился к предпринятой борьбе, слишком много и горячо работал, чтобы быть в состоянии заняться

литературной отделкой своих произведений, не говоря уже о том, что он мало заботился о деталях и пренебрегал формой.

К счастью, у Бентама нашелся прекрасный толкователь, редактировавший его труды с большим талантом и уменьем. Это был его друг, швейцарец Дюмон, заслуги которого неоценимы в этом отношении. Дюмону обязана европейская литература и все культурное общество тем, что идеи Бентама получили такую распространенность. Благодаря его трудам Бентам сделался доступным читающей публике – и это немаловажная заслуга.

Личность Дюмона, одного из самых пламенных приверженцев своего бессмертного учителя, настолько интересна, что о ней не мешает сказать несколько слов. Потомок выходцев из Франции, оставивших свою отчизну вследствие религиозных гонений, Пьер-Этьен-Луи Дюмон родился в 1759 году в Женеве, где его предки давно приняли швейцарское гражданство. Всем своим умственным развитием Дюмон обязан был своей матери, умной и образованной женщине, содержавшей школу. Отца он рано лишился, так что материнское влияние было бесспорное и нераздельное. Успешно кончив курс наук на богословском факультете, Дюмон выбрал себе карьеру проповедника, которая ему сначала «улыбалась». Его проповеди производили сенсацию, привлекая многочисленных слушателей, но мысли, высказываемые молодым пастором, показались власть предержащим слишком вольнодумными для духовной особы. Красноречивый вития должен был не только расстаться со своею паствою, но и оставить родной город. Он переселился в 1782 году в Петербург, где, как писал Бентам, жили его мать, сестры и другие близкие родственники, занимавшиеся торговлей, а сам был несколько лет пастором французской реформатской церкви. Недолго прожил он в Петербурге, где ему удалось составить себе хорошую репутацию, и через полтора года, а не «через несколько лет» он перебрался в Англию, в качестве воспитателя сына лорда Лэндсдоуна. Лорд оценил незаурядные способности воспитателя и сделал его своим личным секретарем, обязанность которого состояла в редактировании речей, произносимых в парламенте лордом, игравшим в своей отчизне видную политическую роль. В доме лорда Дюмон имел случай познакомиться с выдающимися общественными деятелями того времени, такими, как

Фоке, Шеридан, лорд Голленд, известный юрист Ромильи, большой друг Бентама, и, наконец, сам Бентам. Знакомство с Бентамом скоро перешло в самую тесную дружбу и постоянное, непрерывное сотрудничество. Когда появились первые признаки французской революции, бывшему пастору, пропитанному республиканскими идеями, не сиделось на месте, – его тянуло туда, где готовились грозные события. Б 1789 году Дюмон очутился в Париже и скоро сделался правой рукой Мирабо, соредактором «Le Courrier de Provence», который стал издавать знаменитый трибун. Утверждают, что многие из адресов последнего, например адрес к королю об удалении из Парижа войск или его обращения к избирателям, принадлежали перу Дюмона. Грозно надвигавшиеся события заставили его покинуть Францию еще до болезни Мирабо. Пробыв некоторое время в Швейцарии, Дюмон поселился в Англии, где исключительно занялся изучением творений Бентама и распространением его идей. Он сделался необходимым сотрудником своего ученого друга.

Впервые Дюмон был поражен оригинальностью мыслей Бентама в 1788 году, когда последний гостил у своего патрона графа Шельберна, впоследствии лорда Лэндсдоуна, бывшего вождя партии вигов. Ромильи предложил ему прочесть сочинения Бентама в рукописи. Очарованный логичностью выводов молодого ученого, Дюмон как ярый республиканец с восторгом объявил, что труды Бентама сослужат великую службу делу свободы и взялся их переводить на французский, самый распространенный язык в Европе. Сочинения Бентама имели один существенный недостаток – отсутствие литературной отделки. Дюмон взялся восполнить этот пробел и прекрасно выполнил свою задачу. У него были все данные для подобного дела: бесспорный литературный талант, горячая привязанность к идеям своего учителя, которые он всецело разделял, и, наконец, желание распространения этих идей в обществе. Дюмон был не переводчиком в буквальном значении этого слова, а настоящим популяризатором заветных мыслей любимого учителя, с которым был связан узами личной дружбы. Он сокращал, дополнял, заменял сухое изложение привлекательными формами, доступными массе читающей публики, объяснял житейскими примерами известные выводы сурового мыслителя,

которые без этой иллюстрации не могли бы воздействовать с должным успехом на общество.

Гостеприимный хозяин, в доме которого сошлись эти два человека, усиленно рекомендовал Бентаму принять предложение пылкого швейцарского экс-пастора. Бентам согласился и впоследствии не имел повода раскаиваться в этом шаге. Первые опыты популяризации Бентама его друг сделал в издании Мирабо «Le Courrier de Provence». Затем начался целый ряд изданий сочинений Бентама на французском языке, которые далеко опередили издание д-ра Боуринга, появившееся только в 1843 году. Все биографы знаменитого мыслителя единогласно утверждают, что Дюмон оказал огромную услугу европейской культуре, доставив возможность своим современникам близко познакомиться с трудами основателя философской школы утилитаризма. Без участия Дюмона идеи его учителя не могли бы проникнуть в общество с такою скоростью и общедоступностью. Этому благодарному и благородному делу бывший женевский проповедник отдал лучшие годы своей жизни.

После падения Наполеона I Дюмон возвратился в свой родной город. Швейцария получила полную независимость. Дюмон до конца своей жизни принимал деятельное участие в судьбах своего отечества, в законодательстве и администрации Швейцарской республики. Как последователь Бентама он занялся устройством пенитенциарной тюрьмы в Женеве на новых началах, написал устав местного представительного совета, членом которого он состоял до самой кончины, последовавшей в сентябре 1829 года. Таким образом, учитель пережил своего ученика всего на три года.

Глава II

Брат Иеремии Бентама, Самуил. – Новые знакомства. – Приглашение к князю Потемкину. – Пребывание в России. – Жизнь в Кричеве. – «Защита лихвы». – Предсмертный подарок Адама Смита. – «Паноптикон». – Неудача проектов генерала Самуила. – Возвращение Бентама в Англию. – Письмо к императору Павлу I

Волнение, вызванное появлением «Отрывка о правительстве», долго не могло улечься. Несмотря на уменьшение продажи, Бентам готовился выпустить второе издание этой книги, в которой совсем не щадил профессора Блэкстона, бывшего опорой и упованием всех друзей существующего порядка. Этому намерению энергично воспротивился отец, который в качестве опытного адвоката опасался возбуждения против сына многочисленных процессов о диффамации. Опасения отца были довольно основательны. Какой бы политический памфлет ни появлялся в продаже, особенно если он отличался резкостью тона, молва непременно приписывала его перу Бентама. Усилия отца увенчались успехом. Сын отказался от своего намерения, довольствуясь успехом, который доставила ему эта книга в высшем кругу английского общества и за границей.

Благодаря ей Бентам близко сошелся с вождем вигов, графом Шельберном, в имении которого он часто гостил. Французские энциклопедисты заинтересовались новатором и завязали с ним личное знакомство. Он получил приглашение от князя Потемкина навестить его в своем белорусском имении, где тогда жил всемогущий временщик. Бентам принял приглашение светлейшего и в 1785 году отправился к нему в местечко Кричев Мстиславского уезда Могилевской губернии. Это была первая поездка Бентама в Россию, давшая ему возможность основательно изучить внутренний быт страны, для которой он впоследствии много потрудился на поприще законодательной деятельности.

У Иеремии Бентама был брат Самуил, перешедший в 1774 году на службу к Потемкину, у которого он дослужился до генеральского чина. Братья жили очень дружно между собою, вели постоянную переписку, большая часть которой посвящена была личности замечательного русского государственного человека. Оригинальная личность высокодаровитого любимца Екатерины II не могла не заинтересовать Иеремию. Князь тогда носился с мыслью не более и не менее как «пересадить

британскую культуру en masse в Белоруссию», точно насаждение чуждой многовековой культуры дается легко, по капризу могущественного сановника. Эта затея дорого обошлась великолепному «князю Тавриды»; он истратил множество денег, но его попытка, как и следовало ожидать, потерпела полное фиаско. Местечко Кричев со всею округой остались нетронутыми британской цивилизацией, довольствуясь продуктами своей, доморощенной. Чем руководствовался князь, приглашая к себе на службу Самуила Бентама, неизвестно, потому что у брата Иеремии не было строго определенной специальности. Бывший питомец Вестминстерской школы, недурно писавший греческие стихи, был приглашен на службу в качестве корабельного строителя, винокура, пивовара, кожевника, горшечника, кузнеца, медника, канатного мастера и на тому подобные амплуа, имеющие между собою мало общего. Словом, Самуил был мастер на все руки, «и швец, и жнец, и в дуду игрец». Отправляясь в Россию, он загодя изменил свой образ жизни, спал на полу, предполагая, что в этой неведомой стране понятия не имеют не только о комфорте, но и о кроватях, привез с собою не более и не менее как 86 рекомендательных писем. Несколько освоившись с русскими порядками, Самуил, конечно, изменил свое первоначальное мнение о стране, где он нашел благодарную почву для применения своих способностей изобретателя и прожектера. Для приведения в исполнение многих преобразований, задуманных князем, Самуил указал ему на своего брата Иеремию, пользовавшегося тогда известностью за границей. Иеремия получил приглашение пожаловать в Кричев, причем ему было поручено собрание сведений о желательных улучшениях в области земледелия, садоводства, мануфактуры и торговли, приглашение знающего ботаника и так далее. Интересен отзыв Иеремии о Потемкине, с которым он находился в переписке до поездки в Кричев. Трудолюбивый ученый был очень недоволен медлительностью своего вельможного корреспондента.

> «Я все еще жду писем из Петербурга, – жаловался он в 1785 году одному из своих друзей. – По грехам моим, имею дело с ленивейшим человеком самого ленивого народа на земле Всемогущего Бога. Я ему пишу одно письмо за другим, по его же личным делам… Он этим, как говорят, очень доволен. Вы полагаете, что он отвечает? Ничуть не бывало. Приказывает переводить по-русски мои письма, писанные на собачьем французском языке, dog French. Для какой цели – неизвестно, во

всяком случае, не для себя, потому что он прекрасно владеет обоими языками».

В августе 1785 года Бентам двинулся в далекий путь. Он ехал за свой счет, а на 500 фунтов стерлингов (5000 р.), высланных светлейшим, отправил ботаника и двух женщин, хорошо изучивших молочное хозяйство, для образцовой фермы, которую Потемкин хотел устроить у себя в имении. Путь лежал через Париж, где он остановился на некоторое время. Ему очень хотелось навестить Д'Аламбера и других энциклопедистов, с которыми он находился в переписке, – но врожденная застенчивость, от которой часто приходилось ему терпеть в жизни, помешала ему привести в исполнение свой замысел. Он так и уехал из Парижа, не повидавшись с людьми, которых давно и страстно желал видеть. Бентам отправился в Ниццу, где пересел на пароход и после разных перипетий, месячной остановки в Смирне, выдержав страшную бурю, он наконец добрался до Константинополя.

По примеру всех своих соотечественников, отправляющихся в дальний вояж, он был нагружен множеством рекомендательных писем к разным особам, власть имущим, к представителям дипломатического корпуса и между прочим к русскому посланнику Булгакову. Несмотря на то, что Бентам раньше был знаком со многими русскими, близко сошелся с братьями Татищевыми, которых он очень полюбил, хотя частенько и глумился над их неумеренным преклонением перед Монтескье и Екатериною, знакомство с русским дипломатом произвело на него сильное впечатление. Мыслитель был уверен, что в лице представителя великой императрицы он встретит неотесанного варвара, un mangeur de chandelles, как выражаются парижские бульварные философы. Легко себе представить его изумление, когда вместо ожидаемого дикаря он увидел замечательного красавца и вполне интеллигентного человека, который ни в чем не уступал своим коллегам по дипломатическому корпусу. Булгаков пригласил его на званый обед, усадил на почетное место, много с ним разговаривал о России, об императрице, о которых отзывался с восторгом, утверждая, что даже снег и лед больше блестят в России, чем в других странах. Отчасти по незнанию светских приличий, отчасти по врожденной робости, Бентам забыл отдать визит гостеприимному хозяину и его французскому коллеге, в чем он винил свое жалкое воспитание. В Константинополе Бентам пробыл полтора месяца и через Болгарию и Румынию отправился в Россию, где ему суждено было прожить без малого два года.

Немало приключений выпало на его долю, пока он благополучно добрался до Кричева. Абсолютное незнание русского языка и местных обычаев достаточно вредило ему во время разнообразных мытарств, испытанных в таможнях, карантинах, придорожных корчмах и постоялых дворах Малороссии. В январе 1786 года он прибыл в Кременчуг. Местный губернатор пригласил его к обеду. Скромный философ был поражен смесью роскоши и неряшливости, обилием яств и питий, поведением джентльменов, щеголявших в длинных сапогах, несмотря на присутствие дам. Карточная игра перед обедом и после обеда, которую он впервые увидел у русского посла в Константинополе, повторилась в Кременчуге, в еще более впечатляющих размерах. «Джентльмены, – изумлялся Бентам, – получавшие жалованья не более 600 рублей в год, проигрывали в карты по 800 рублей за один присест». Обед тянулся очень долго, затем был сервирован обильный ужин. В промежутках между обедом и ужином пели архиерейские певчие антифоны вперемежку с украинскими и великорусскими народными песнями.

По прибытии в княжеские поместья Бентам избрал своею резиденцией не Кричев, центральный пункт потемкинских имений, а близлежащее село Задобра, где он провел все время своего продолжительного пребывания в России в полнейшем уединении, занимаясь усидчиво научными трудами. Единственными его развлечениями были музыка, чтение, переписка с друзьями, оставленными в Англии, и разведение цветов, которые он страстно любил. Философ отдавал всегда преимущество ботанике перед минералогией, на том основании, что ее распространение доставляет удовольствие, тогда как минералог лишен возможности разводить камни и не может делиться своими запасами. Он вывез на родину огромную коллекцию семян, собранных в России, и раздал их впоследствии разным ботаникам. До какой степени Бентам сосредоточился в своих научных занятиях, можно судить по тому факту, что он не подумал даже отправиться в Кричев во время проезда императрицы, совершавшей тогда свою знаменитую поездку по южной России, – поездку, которую Потемкин обставил с невероятною роскошью и обилием поразительных декораций.

В своем уединении Бентам написал в 1787 году известное сочинение «Defense of usury» (Защита лихвы). Он давно носился с мыслью высказаться по этому вопросу, занимавшему умы многих выдающихся экономистов. Вопрос о том, необходимо ли вмешательство государства в частные договорные отношения граждан между собою или можно обойтись без этого

вмешательства власти, предоставив полную свободу совершеннолетним, правоспособным гражданам регулировать свои денежные счета, как им заблагорассудится, – сильно занимал его. Об этом писал, за двадцать лет до появления «Defense of usury», еще Тюрго. Во французском издании Дюмона оба эти исследования о росте, его значении и пределах помещены рядом, как взаимно дополняющие друг друга, выражающие в ясной форме все, что было сказано о лихве. Данный вопрос был почти исчерпан совместным трудом таких двух авторитетных экономистов, какими по справедливости считались Тюрго и Бентам. Неудивительно, что это сочинение потемкинского гостя произвело огромное впечатление во всей европейской литературе.

Книга о лихве появилась совершенно случайно. Живя в княжеской усадьбе, Бентам был лишен возможности предаваться своим обычным занятиям философией и правоведением по очень простой причине: у него под руками не было необходимых материалов. Тогда он задумал заняться анализом вопроса о ростовщичестве, насколько разумны и практичны законы, ограничивающие взимание роста, устанавливающие известную норму, превышение которой влечет за собою уголовную наказуемость. Его не мог не поразить тот на первый взгляд необъяснимый факт, что последствия ограничительного закона являются прямо противоположными благим намерениям законодателя, желающего оградить интересы должника. «Результат моих размышлений об этом предмете, – говорит Бентам, – сводится для меня к следующему: ни одному человеку, достигшему возраста умственной зрелости, обладающему здравым смыслом, действующему вполне свободно и со знанием дела, нельзя помешать даже из соображений, направленных к его выгоде, совершить, как он понимает, известную сделку, с целью достать себе денег. Следовательно, никому нельзя помешать дать ему в долг, на условиях, которые он охотно принимает». Подробно разбирая все аргументы, обыкновенно приводимые в защиту законодателя, имеющего право ограничивать свободу денежных займов, он доказывает их очевидную нелепость. Ведь не вмешивается же государство в торговлю лошадьми, а чем торговля деньгами лучше или хуже лошадиного барышничества? Книга отчасти обязана своим успехом бойкому языку – что у Бентама составляет редкое исключение – приправленному едким сарказмом, причем, конечно, достается его вечному козлу отпущения, профессору Блэкстону. Писалась она в форме писем к лондонскому другу Вильсону, с просьбой предать их печати, когда вопрос будет достаточно исчерпан.

Лондонский друг долго медлил, он был слишком осторожен, тем более что в последнем письме были нападки на Адама Смита.

Дело затянулось бы надолго, если бы не вмешался отец Бентама, поступивший в данном случае по-свойски. Он захватил рукопись и отдал ее в типографию, никого не предупредив, менее всего автора этих писем. На возвратном пути из России, проездом через Гаагу, Бентам получил в подарок от английского посланника отпечатанный том этих писем к другу. Адам Смит прочел последнее письмо и велел передать автору, что он вполне согласен с его воззрениями. В доказательство своей симпатии и уважения к автору Адам Смит послал ему экземпляр своих сочинений. Этот подарок был доставлен Бентаму вскоре после получения известия о кончине знаменитого творца политической экономии, автора «Богатства народов».

Другой труд, написанный Бентамом во время пребывания у Потемкина, хотя и появившийся в печати несколькими годами позже, был его известный «Panopticon, or The inspection house». Этот «Паноптикон» – трактат о рациональном устройстве тюрем, на началах одиночного заключения и центрального надзора, с устройством необходимых мастерских, школ, больниц, с целью исправления и перевоспитания заключенных. Крайняя, неотложная необходимость тюремной реформы сознавалась всеми мыслящими людьми того времени. Лучшие люди посвятили свою деятельность этому благому делу, потому что состояние тогдашних тюрем, не в одной Англии, но и во всей Европе, было поистине ужасающее. Бентам интересовался этим делом не менее своего славного земляка, филантропа Джона Говарда, скончавшегося в 1790 году в Херсоне. Мысль о переустройстве тюрем он заимствовал у своего брата Самуила, вводившего в потемкинских имениях множество различных новшеств. Для исполнения желания светлейшего устроить в России мануфактурные производства и ремесленные заведения сэр Самуил составил подробный план с обстоятельным описанием проектированного им устройства громадной фабрично-ремесленной фаланстеры, предназначенной для помещения двух тысяч человек всех возрастов, на началах центрального надзора. Проект не был осуществлен по причинам чисто внешнего свойства. Вскоре вспыхнула турецкая война, и князь Потемкин должен был оставить Кричев и отправиться в действующую армию, в качестве ее главнокомандующего. Но проект этого «Паноптикона» остался – и Иеремия Бентам им воспользовался для устройства тюрем нового образца.

Сэр Самуил, которого брат Иеремия ценил очень высоко, отличался замечательной изобретательностью и способностью к

проектам. Он проектировал среди прочего создать неизменную температуру для хронометра, изобрел новый тип судна, которое пустил, в виде опыта, по Днепру; опыт оказался удачным, как и множество других, сельскохозяйственных его изобретений. В конце концов все эти изобретения и нововведения потерпели фиаско. Потемкин, сгоравший желанием обратить Кричевское имение в образцовое поместье, не уступающее лучшим владениям западноевропейских магнатов, потратил массу денег, выписал иностранных рабочих и техников. Работа кипела под главным руководством генерала Самуила и немца Сталя, но дело не клеилось. Пришельцы не понимали друг друга; одни говорили по-итальянски, другие по-английски, третьи по-немецки. Никто из них не знал местных условий; закрепощенный сельский люд тупо и неохотно исполнял египетские приказания своих начальников. Какой сумбур царил там, можно судить по тому факту, что ни в чем не повинный Иеремия Бентам, по ошибке земской полиции, был подвергнут аресту и имущество его описано за чужой долг – вероятно, перепутали Самуила с Иеремиею. Будущий сотрудник Сперанского и Мордвинова должен был, во имя личной свободы и имущественной неприкосновенности, входить в пререкания с юристами Мстиславского уездного суда и могилевской гражданской палаты.

В ноябре 1787 года Бентам оставил Россию и, не без труда проследовав через Польшу, Пруссию и Голландию, возвратился на родину. Он не переставал интересоваться русскими делами, ходом военных действий, русской армией и русскими финансами. Брат его, имевший большие связи в высшем обществе, сообщал ему подробные сведения обо всем, происходившем в Империи, где он прожил без малого два года. Ему пришлось впоследствии переписываться с разными властями в Варшаве об исправной уплате пенсии, назначенной последним польским королем, в размере 500 дукатов, вдове его друга Линда. Когда его старания не увенчались успехом, он обратился письменно прямо к императору Павлу и достиг желанных результатов. Только с воцарением Александра I начинаются его постоянные сношения с лучшими представителями русского общества. Тогда-то он приобрел в России то значение, на которое имел полное право рассчитывать ввиду его выдающихся заслуг на разных поприщах научной, публицистической и филантропической деятельности.

Глава III

Французская революция. – Роль Бентама. – Услуги, оказанные им новому порядку вещей. – Трактат о парламентаризме. – Софизмы. – Возведение Бентама в звание французского гражданина. – Любовь к Франции. – Тюремная реформа. – Смерть отца. – Улучшение материального положения. – Постройка образцовой тюрьмы в Лондоне. – Содействие Питта. – Глухая борьба с бюрократией. – Полемика с королем. – Агитация об отмене телесных наказаний в школе. – Westminster Review. – Ирландский вопрос. – Заступничество за католиков и евреев

Желание Бентама посвятить себя парламентской деятельности из-за противодействия графа Шельберна оказалось далеко не так удобоисполнимо, как он полагал. Надежда, что его книга «О защите роста» откроет ему двери парламента, не оправдалась. Граф знал очень хорошо, что независимый характер Бентама не позволит ему слепо следовать указаниям вождя вигов, которому только нужен был лишний голос в пользу его билля, а не человек, достойный занять подобающее ему место в сонме народных представителей. Руководствуясь этими началами, граф предоставил депутатское кресло более удобному кандидату, нежели Бентам, что послужило поводом к известному охлаждению между недавними приятелями. Впрочем, это охлаждение продолжалось недолго.

Между тем, вспыхнула французская революция, приковавшая к себе все внимание Бентама, давно находившегося в дружеских сношениях со многими выдающимися деятелями готовившегося переворота. Особенно близко сошелся он с известным жирондистом Бриссо, который восторженно отзывался как о личном характере, так и о реформаторской деятельности недавнего потемкинского гостя. В посмертных записках, изданных его сыном, Бриссо сравнивает деятельность Иеремии с деятельностью Говарда.

«Прежде чем предложить реформу, – говорит он, – Бентам желал изучить уголовное право всех европейских народов. Громадность предстоящей задачи не могла остановить рвения человека, всецело проникнутого любовью к общественному благу. Иностранные кодексы надо было изучить в подлинниках, поэтому Бентам постепенно приобретал знание этих языков. Он отлично говорил и писал по-французски, знал итальянский, испанский и

немецкий языки; я видел, как он занимался шведским и русским».

Благодаря его глубоким познаниям и пламенной любви к человечеству, стремлению быть ему полезным, Бентам впоследствии сделался великим авторитетом для лучших деятелей тогдашнего либерализма. К нему обращались за советами со всех концов образованного мира. К его мнениям и советам чутко прислушивались все, кому дороги были интересы народного блага и общественного развития.

Он обратился к собранию французских представителей с целым рядом проектов и указаний, как лучше устроить законодательные собрания. Материалом для этих трудов служили ему протоколы областных сеймов, предшествовавших созванию нотаблей и законодательного собрания. Чтобы оказать услугу зарождавшемуся у французов парламентаризму, он написал в 1791 году свой известный трактат «Essai of political Tactics».

«С ужасом, – говорит он в предисловии, – отвергаю я всякое обвинение в патриотизме, если для того, чтобы быть другом моей страны, мне пришлось бы быть врагом рода человеческого. Я оказываю услугу моему отечеству, если могу содействовать тому, чтобы Франция получила самую свободную и счастливую конституцию».

Первую записку, поданную им в собрание через посредство Мирабо, бывшую не более как изложением форм делопроизводства в великобританском парламенте, постигла неудача. Благодаря Сиэсу она была отвергнута. Один из депутатов, обратившись к Мирабо, прямо сказал ему:

– Мы ничего не желаем заимствовать у англичан, мы никому не желаем подражать.

В своих анархистских софизмах («Anarchical Fallacies») Бентам подвергает резкой критике «декларацию прав гражданина и человека», составленную Мирабо при сотрудничестве нашего знакомого Дюмона. Разбирая, по своему обыкновению, основательно все ошибки, допущенные при составлении и обнародовании этого документа, Бентам не оставляет в тени и хороших сторон этого важного законодательного акта, имевшего огромное влияние на дальнейшую судьбу Франции. Бентам слишком любил Францию, чтобы позволить себе подражать массе своих земляков, огульно осуждавших глубокий, кровавый переворот, происходивший в соседней стране, народ которой, по его мнению, не должен подлежать ответственности за грехи и преступления, совершенные единичными личностями.

В своей книге о политических софизмах «The book of Fallacies» он беспощадно разоблачал все махинации сторонников устаревших порядков и глубоко укоренившихся злоупотреблений,

старающихся отстоять милую им старину, под сенью которой они отлично обделывают свои темные делишки. Искусно сгруппировав все аргументы, приводимые консерваторами против любой реформы, он доказывает их внутреннюю несостоятельность и нравственную гниль. Бентам выводит начистоту все иезуитские подвохи и своекорыстные мотивы ярых защитников обветшалой рутины, направленные на то, чтобы парализовать всякую реформу и продлить существование порядков, осужденных наукой и тормозящих наступление лучших времен. Много других полезных законопроектов представил он собранию. По предложению Бриссо, во внимание к заслугам, оказанным Франции Бентамом, национальное собрание возвело его 26 августа 1792 года в звание французского гражданина. Этой наградой, которой удостоились лишь такие знаменитые иностранцы, как, например, Вашингтон, Песталоцци, Клопшток, Костюшко, Уильберфорс, Мэкинтош, Кампе и другие, Бентам гордился до конца дней своих. В брошюре, адресованной Конвенту и озаглавленной: «Emancipate your Colonies!», он настоятельно советовал освобождение колоний, мысль, которую он постоянно развивал и перед английским правительством. Конвент также безучастно отнесся к его ходатайству, как и английский парламент, оставивший его советы без последствий. Это, однако, ничуть не обескуражило неутомимого борца за свободу и независимость. Находясь в постоянной переписке с выдающимися представителями французского народа, начиная с Мирабо и кончая Лафайетом, Бентам, незадолго до своей смерти, обратился с воззванием к французскому народу – «Lettre fu peuple français», – в котором давал советы по поводу наступления новой эры, вызванной июльской революцией 1830 года. Интересы французской нации были ему не менее близки и дороги, как и интересы родной Великобритании, потому что Франции и ее литературе, а в особенности – трудам ее энциклопедистов, он был обязан значительной долей своего умственного развития.

Три вопроса особенно занимали Бентама в описываемое нами время – вопросы, которые, к сожалению, и теперь, по прошествии чуть ли не целого столетия, еще очень далеки от решения. Это – тюремная реформа, угрожающее развитие пауперизма и ирландский вопрос. Необходимости первой реформы он посвятил бесчисленное множество брошюр, объемистых докладов, записок, статей; она занимала также видное место в его разносторонней переписке с друзьями. Многое, написанное им по этому предмету, до сих пор еще остается в рукописях.

Неотложность тюремной реформы была очевидна. Состояние английских мест заключения было поистине ужасным, не

поддающимся никакому описанию. Они были постоянными центрами зараз, специфически тюремных, таких как, например, «тюремная лихоманка». Оба пола и все возрасты совместно содержались в одних и тех же камерах. Банкроты и душегубцы, подследственные арестанты и давно осужденные или освобожденные, но не успевшие внести установленных кормовых денег тюремщикам, жили вместе. Тюремные власти жестоко обращались с бедняками, но за деньги помогали состоятельным арестантам пьянствовать и развратничать. Понадобилась коллективная энергия не одного поколения людей, одушевленных филантропией Бентама и Говарда, чтобы очистить эти авгиевы стойла. Говард поплатился жизнью на этом бескорыстном служении несчастным. Прекрасно охарактеризовал его Бентам, сказав, что Говард «жил апостолом и умер мучеником» (He lived an apostle and died a martyr).

В целом ряде книг и брошюр, как например: «View of the Hard Labour Bill», «Panopticon», «Panopticon versus New South Wales» и «Principles of penal Law», – Бентам знакомит общество с результатами своих многолетних наблюдений над системой английских тюрем и ссылки. Полный негодования, он предлагает заменить эти вопиющие безобразия двумя реформами, от которых выиграют обе стороны: человечным обращением с арестантами и экономией в пользу казны. С удвоенной энергией принялся он пропагандировать неотложность этой реформы, и его страстная проповедь, устная и печатная, подействовала на общество и правительство. Бывший премьер Питт обещал Бентаму свое содействие и разрешил ему первый опыт.

В это время материальное положение реформатора улучшилось. Он получил значительное наследство от отца, умершего в 1792 году, наследство, доставившее ему 6000 рублей годового дохода. Бентам воспользовался своим капиталом, закупил землю и приступил к постройке образцовой тюрьмы в Лондоне, примерно на тысячу человек. Бентам так горячо принялся за дело, так был уверен в его успехе, что успел убедить в этом и Питта, и тот оказывал ему всяческое содействие. Парламент утвердил контракт, и дело закипело. Но нашему философу, не принявшему в расчет неуловимых подвохов административной рутины, пришлось круто. На каждом шагу ему ставили препоны. Промучившись много лет с этой постройкой, он должен был опустить руки ввиду непреоборимой коалиции его чиновных противников. Парламентская комиссия, учрежденная в 1811 году, не приняла его постройки, на которую он истратил все свое состояние, так что по временам философ сидел без гроша денег и должен был перебраться на квартиру к брату,

находившемуся тогда в Англии. Наконец правительство уплатило ему 230000 рублей в возмещение сумм, израсходованных им из своих личных средств. Эта неудача с «Паноптиконом», его любимым детищем, сильно поразила его. Он долгое время не мог видеть дела, касающегося постройки. «Это для меня все равно, – говорил Бентам, – что отворить ящик, в котором скрыты бесенята. Мой брат дал мне первую мысль о постройке этой тюрьмы, которую он заимствовал у русских крестьянских изб. В этом здании надзор был бы такой простой, удобный, непрерывный. Какая жалость!»

Причину постигшей его неудачи Бентам целиком приписывал королю Георгу III. Что Георг недолюбливал такого смелого новатора, как Бентам, – это вполне естественно. Но причина, вызвавшая острый припадок ненависти короля, была довольно оригинальной. Она заключалась в газетной полемике. Георг III написал статью в «Лейденской Газете», где он советовал датскому королю отказаться от союза с Россией. По этому поводу Бентам, под псевдонимом «Анти-Макиавелли», поместил в «Public Advertiser» целый ряд ядовитых статей, опровергавших нелепые требования анонимного автора. Выведенный из себя памфлетами, король не стерпел и под псевдонимом «Partisan» стал защищать политику своего кабинета. Бентам ответил такой громовой статьею, которая отбила охоту у царственного противника продолжать полемику. Кабинет внял разумным советам «Анти-Макиавелли» и отшатнулся от королевских проектов. Узнав, кто именно скрывался под псевдонимом «Анти-Макиавелли», король был вне себя. Он отомстил своему оппоненту совсем не по-рыцарски. Незадолго до своей смерти Бентам обнародовал брошюру, озаглавленную «Борьба между Иеремиею Бентамом и Георгом III, написанная одним из борцов».

– Вы не можете себе представить, – рассказывал Бентам, – как он меня ненавидел. Последствием его мести были потерянные миллионы. Он уничтожил контракт, заключенный адмиралтейством с моим братом. Он повлиял, чтобы парламент не исполнил обещания, удовлетворения которого я ждал гораздо дольше, нежели продолжалась троянская война. Не будь его, все бедняки страны и арестанты были бы в моих руках, а уголовный кодекс, составленный мною, был бы давно утвержден.

Замечательно, что, будучи оксфордским студентом, юный Бентам написал латинскую оду по поводу восшествия на престол Георга III. Ода удостоилась большой похвалы со стороны строгого критика, доктора Джонсона, но сам автор иначе отозвался о ней.

Составленный Бентамом в 1797 году проект улучшения положения бедняков и озаглавленный «Situation and Relief of the

Poor» послужил основанием для целого ряда мероприятий, санкционированных известным законом 1834 года. Проект был так основательно разработан, что законодателю осталось только воспользоваться практическими указаниями идеалиста-филантропа, позаботившегося даже о том, какие кровати должны быть раздаваемы бедному люду. Обратив внимание правительства на насущную потребность народного образования, Бентам первым подал мысль об устройстве сберегательных касс, получивших впоследствии такое широкое распространение во всем цивилизованном мире. Он тогда близко сошелся с Робертом Оуэном. Совместно они ратовали за отмену в семейном быту и в учебных заведениях телесных наказаний, считавшихся в те времена лучшим средством нравственного исправления детей школьного возраста.

Ирландскому вопросу, доныне волнующему общественное мнение Соединенного Королевства, Бентам посвятил большую часть своей трудовой жизни. Он писал статьи против угнетения католиков, требовал их равноправности, с замечательной прозорливостью предсказывал, что ожидает страну, если этот жгучий вопрос не будет разрешен в желанном смысле. Его предостережения оказались пророческими. Народ, которого правительство притесняет в публичном отправлении своего богослужения, заставляя его оплачивать содержание господствующего иноверного духовенства, враждебного его религии, обратится в сплошную массу мрачных заговорщиков, сделается под конец ужасом для государства, а не его надежной охраной. В народе, лишенном руководства просвещенных пастырей, отданном во власть мрачных фанатиков, разовьются только свирепые инстинкты, скрытность и мрачная ненависть.

Ратуя за необходимость коренных реформ парламентского режима, за равноправность католиков, диссидентов, евреев, сокращение государственных расходов, Бентам широко воспользовался помощью основанного им журнала «Westminster Review», который оказался в данном случае его ценным помощником в воздействии на общественное мнение. Особенное внимание он обращал на экономические вопросы, о чем мы скажем ниже.

Глава IV

Жизнь в Бовуде. – Единственный роман в жизни Бентама. – «Принципы нравственности и законодательство». – Горячее участие во всех общественных вопросах. – Усиленная научная деятельность

В однообразной трудовой жизни Бентама, жившего настоящим отшельником, случилось событие, которое как-то не вяжется с представлением о философе, отрекшемся от мира и всех его соблазнов. Шаловливый Амур заглянул однажды в уединенную келью мыслителя и на время оторвал неутомимого труженика от его обычных занятий. История этого единственного романа в жизни отъявленного холостяка следующая.

Благодаря успеху его первого сочинения «Отрывки о правительстве» многие высокопоставленные лица искали знакомства с интересным автором. В числе этих лиц был и граф Шельберн,[3] бывший тогда главой кабинета. Знакомство между первым министром Англии и молодым бедствовавшим писателем скоро перешло в тесную дружбу, продолжавшуюся всю жизнь. Бентам часто и подолгу гостил в роскошном имении своего друга, в Бовуде, где он имел случай познакомиться с Чатамом, Вильямом Питтом, Кэмденом, Ромильи и другими современными знаменитостями. Независимый характер Бентама, его идеальная честность и бескорыстие, презрение к богатству и почестям невольно внушали к нему глубокое уважение со стороны надменной знати, толпами заискивавшей у могущественного министра. Хозяин был в восторге от своего демократического друга. «Его общество, – писал он своему отцу, – для меня бесценно, для меня, который провел всю свою жизнь в каком-то политическом лазарете. Его оригинальность и бескорыстие производят на меня такое же освежающее действие, как деревенский воздух на лондонского жителя».

Бентам работал по обыкновению в сельской тиши. Там он написал свой капитальный труд «Principles of Morals and Legislation». Во время отдыха он зайимался музыкой, аккомпанируя на скрипке дамам, игравшим на арфе. «Я здесь делаю все, что душа пожелает, – писал он друзьям, – езжу верхом, беседую с отцом, читаю с сыном, ласкаю леопарда, играю с дамами на биллиарде и в шахматы». В числе девиц, часто гостивших в Бовуде, была мисс Каролина Фоке, сестра лорда Голэнда, особа, выдающаяся по своему уму и образованию.

Молодые люди любили часто беседовать, спорить. Сначала, как видится, спорили о предметах отвлеченных, серьезных, затем разговоры незаметно переходили на иные темы, менее отвлеченные, но более понятные молодежи. Кончилось тем, чем и следовало ожидать, – молодые люди полюбили друг друга. Этот роман продолжался долго, какая причина помешала их браку – неизвестно. Переписка прекратилась, много лет они не виделись – роман был сдан в архив. По прошествии 16 лет Бентам встретил предмет своей единственной любви – она не была замужем. Воспоминания былого ожили в памяти состарившегося философа. Ему уже было тогда 55 лет – возраст, крайне неудобный для любовных объяснений и марьяжных предложений. Тем не менее Бентам, со свойственною всем кабинетным людям непрактичностью, рискнул сделать предложение мисс Фоке. Увы, предложение не было принято, и он остался на всю жизнь холостяком.

По правде сказать, Бентам был так поглощен работой, что некогда ему было заниматься ухаживанием за особами прекрасного пола. Стоит только прочесть простой перечень его трудов, посвященных разработке многообразных общественных вопросов, чтобы убедиться в том, что ему некогда было думать об устройстве личного счастья, семейного очага, спокойной и беспечальной старости. Не говоря о том, что большая часть всего написанного им до сих пор не издана, полное собрание его сочинений, изданных доктором Боурингом, занимает 11 томов. Он вел огромную переписку с выдающимися деятелями Старого и Нового света, составлял законодательные проекты для разных стран, желал быть кодификатором России, Польши, Франции, Испании, Америки, занимался практическим применением тюремной реформы в своем отечестве, работал по вопросам политико-экономическим.

Не было ни одного мало-мальски серьезного вопроса в государственной и общественной жизни Англии, где бы Бентам не фигурировал в числе главных инициаторов и деятелей. Он работал над введением парламентской и городской реформ, принимал участие в трудах о смягчении уголовного уложения, отмене ссылки, коренном преобразовании пенитенциарной системы, улучшении суда присяжных, уменьшении налога на знание (taxes on knowledge), народном воспитании, о введении сберегательных касс в среде почтового ведомства и обществе взаимного вспомоществования, организации периодических народных переписей, уничтожении исключительных законов, применявшихся к католикам. Излишне упоминать о его трудах для улучшения гражданского и уголовного судопроизводства, где

ему приходилось выдерживать упорную борьбу с окаменелыми представителями британской юстиции, сильно его недолюбливавшими, ставившими ему препоны на каждом шагу. Мысль об установлении вечного мира, волновавшая Канта, нашла страстного поборника в лице Бентама, предлагавшего Англии и Франции показать пример всеобщего разоружения. Вместе с разоружением он предлагал европейским державам стремиться в своих международных сношениях и международном праве достижения лишь одной цели, одного идеала: величайшего благополучия всех народов, во всей их совокупности, – то есть именно того, над чем трудились его позднейшие последователи – Кобден и Брайт. Он устроил в своем саду детскую школу, чтобы проверить на деле правильность своих педагогических воззрений, высказанных в «Chrestomatie», посвященной классификации наук. Бентам высказался за отмену классической системы воспитания, требуя замены ее преподаванием точных наук, но с тем непременным условием, чтобы преподавание не обременяло детей, а напротив, увлекало их, доставляло бы им удовольствие. Ему положительно не хватало времени для своих многочисленных занятий, и он часто говаривал:

– Если бы я мог разрастись, как полип, и превратиться в шесть человек, я бы для всех нас нашел работу.

Из-за этих занятий Бентам должен был коренным образом изменить свой образ жизни и совершенно отказаться от посещения общества. День был у него распределен так, что огромная его часть посвящалась работе, и лишь ничтожная часть – отдыху. Сверх ожидания, этот образ жизни, эта работа до истощения была ему очень полезна. Некогда хилый, тщедушный, он стал поправляться и, благодаря машинообразному распределению занятий, дожил до глубокой старости, не жалуясь на нездоровье. Большую часть времени философ проводил в Лондоне, в уединении, в своем доме, где, как он с удовольствием добавлял, «некогда жил Мильтон». Летом он жил на даче в Сомерсетшайре, где нанимал уединенный барский дом с огромным садом. В саду, можно сказать, он жил, занимаясь уходом за любимыми цветами. Там его навещали ближайшие друзья и любимые ученики, в числе которых первое место занимал Джон Стюарт Милль. Еще ребенком Милль, отец которого, Джеймс, был очень дружен с Бентамом, часто проводил летние каникулы у него на даче, о которой Джон Стюарт сохранил самые отрадные воспоминания на всю жизнь. «Там, – говорит он, – я познал прелесть широкой и свободной жизни и поэтического чувства, которому благоприятствовал вид бывшего аббатства, утопающего в тенистом саду, наполненном шумом

водопадов».

Бентам никого не посещал, за исключением своего друга Ромильи, с которым был очень близок. У него он обедал раз в году и этим посещением хотел поквитаться со всеми требованиями житейского этикета. «К чему ходить в гости, – говорил он, – все равно встретимся в парламенте и там пожмем друг другу руку». Ромильи навещал его на даче, где он находил, что Бентам верен своим привычкам, как и в городе: «Десять часов работает, составляет гражданские и уголовные уложения, пишет о разных отраслях правоведения, затем гуляет, чтобы набрать сил для следующих подготовительных работ, предстоящих законодателю будущего».

Немало времени посвящал Бентам огромной деловой переписке со своими русскими друзьями, с разными знаменитостями английскими и иноземными, в том числе с героем Ватерлоо, герцогом Веллингтоном, которому он предсказывал, что его слава затмит славу Кромвеля, если он только пристанет к его законодательной реформе. В числе его приверженцев были такие люди, как лорд Брум и пламенный ирландский патриот О'Коннель, и к сонму его интимных друзей принадлежали Милли, отец и сын, Рикардо, Грот, Боуринг и другие. Известность, которой достиг тогда Бентам, была очень велика не только на родине, но далеко за ее пределами. Иностранные монархи и законодательные собрания относились к нему несравненно дружелюбнее и почтительнее, нежели его соотечественники, которые успели оценить его незабвенные заслуги только после смерти престарелого отшельника, уединившегося в доме, где некогда жил автор «Потерянного Рая».

Чтобы судить о его значении за границей, надо познакомиться с его деятельностью в России, где он играл видную роль во все время царствования императора Александра I.

Глава V

Воцарение Александра I. – Комиссия составления законов. – Поездка Дюмона в Петербург. – Популярность Бентама в высшем русском обществе. – Отношение к нему Сперанского и адмирала Мордвинова. – Перевод статей Бентама на русский язык. – Борьба революционеров. – Назначение барона Розенкампфа. – Падение Сперанского. – Драма слабости и неискренности. – Переписка Бентама с Александром I. – Священный союз

С воцарением молодого императора, окруженного любимыми сверстниками и просвещенными сановниками, началось в России реформаторское движение, предвещавшее блестящую будущность стране. Ближайшие друзья императора, например князь Кочубей, граф Строганов, князь Адам Чарторыйский, Новосильцов и другие, были озабочены составлением проекта гражданского и уголовного кодексов. С этой целью была образована «Комиссия составления законов», во главе которой стоял сначала М. М. Сперанский, а затем остзейский юрист, барон Розенкампф, считавшийся тогда пламенным почитателем Бентама. Правительство обратилось к известнейшим юристам за границей, прося их содействия в таком важном деле, как кодификация законодательства, находившегося тогда в самом неудовлетворительном состоянии. Многим из высших представителей русского общества были знакомы труды Бентама, недавно появившиеся во французском переводе Дюмона. Некоторые из видных деятелей этой эпохи, посещавшие Англию, были лично знакомы с Бентамом – адмирал Мордвинов, Чарторыйский, братья Воронцовы, Салтыков и Сперанский. С целью распространения в русском обществе идей своего учителя Дюмон в 1802 году отправился в Петербург, где нашел радушный прием.

Задача Дюмона значительно облегчилась известностью, которою уже пользовался в России его учитель.

«Сочинение Бентама ставят выше всего, что ему предшествовало. Поверите ли, – писал Дюмон в июне 1803 года своему другу Ромильи, – что в Петербурге было продано моего Бентама столько же экземпляров, сколько в Лондоне. Сто экземпляров были проданы в очень короткое время, а книгопродавцы все требуют нового запаса. Это доставило мне благосклонность многих лиц, которою при случае воспользуюсь.

Книге удивляются, а издатель скромно принимает свою долю в этом удивлении».

Сообщая своему другу городские слухи о характере императора и его ближайших сотрудников, выразив сомнение в способности Розенкампфа справиться с возложенной на него задачей, Дюмон следующим образом характеризует тогдашних русских юристов.

> «Если бы Вы знали, – писал он, – что такое здешний адвокат или вообще юрист – Вы бы покраснели за честь своей профессии.[4] А судьи! Вы, в Англии, не можете себе составить понятия о здешней магистратуре. Я уверен, что через 10 лет всё здесь переменится».

Уверенность почтенного переводчика Бентама была преждевременная. Понадобилось 63 года, чтобы непривлекательный тип тогдашнего судьи, который был долгое время самым благодарным сюжетом для сатиры Грибоедова, Гоголя и Салтыкова, мог преобразиться в достойного члена настоящей магистратуры, созданной «Судебными Уставами» императора Александра II.

> «России нужны законы, – читаем в письме одного из образованнейших людей своего времени, Н. А. Саблукова, к Самуилу Бентаму. – Не только Александр I желает дать ей кодекс, Россия сама его требует. Пусть Иеремия Бентам приготовит этот кодекс. Я не знаю Бентама, но говорю самому себе: если он умрет, не составив кодекса, он будет неблагодарен Творцу, наградившему его такими умственными дарованиями. Книга Вашего брата удовлетворяет одинаково душу, сердце и ум, она наполняет душу энтузиазмом, сердце добродетелью и разгоняет душевный мрак. Я – русский, мой инстинкт не дает мне покоя. Я желаю своему отечеству обладать теми истинами, которые благодетельный гений Бентама создал для всего человечества».

Такого же мнения о Бентаме был и знаменитый адмирал граф Н. С. Мордвинов, в восторженных выражениях характеризовавший его в своем письме к генералу Самуилу Бентаму.

> «Я желаю поселиться в Лондоне, – писал адмирал, – и познакомиться с Вашим братом. В моих глазах он один из четырех гениев, которые сделали и сделают всего

> больше для счастья человечества: Бэкон, Ньютон, Адам Смит и Бентам. Каждый из них – основатель новой науки, каждый – творец. Я держу в запасе некоторую сумму с целью распространения того света, который исходит из творений Бентама».

Мордвинов был одним из самых горячих и убежденных поборников идей Бентама в русском обществе и в высших правительственных сферах. Через его руки шла переписка Бентама с государем. Бентам называл адмирала своим уполномоченным, снабженным «carte blanche». «В Вас, – писал ему Иеремия, – я вижу просвещенного друга Вашего отечества и испытанного друга моего брата. С нетерпением жду того момента, когда мне можно будет пожать Вашу руку в моем уединении».

Эти вполне дружеские отношения между Мордвиновым, Сперанским и Бентамом продолжались все время, несмотря на перемену обстоятельств. Когда в 1823 году вышло полное собрание сочинений Бентама, последний послал два экземпляра своим русским друзьям, Мордвинову и Сперанскому, выразив свое удовольствие, что оба находятся в хороших отношениях, что, по его словам, «не всегда бывает между товарищами в таких правлениях, как ваше, не говоря о других правлениях». Мордвинов был в восторге от этого подарка и горячо благодарил философа за присылку его сочинений, которые «ученый мир почитает, а я изучаю с усердием ученика, удивляющегося всему, что выходит из-под пера его учителя. Мне случалось в качестве председателя департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета подкреплять свои аргументы в важных процессах Вашими просвещенными суждениями». Учитель ответил шутливым посланием, что, не получая долго ответа от своих учеников, он полагал, что они, вероятно, бросили в печку его сочинения или их сослали в Сибирь за хранение подобных книг.

Немало содействовал и Сперанский распространению теорий Бентама; он принял личное участие в переводе на русский язык избранных мест его сочинений. Сперанскому, бывшему правой рукой тогдашнего министра Кочубея, было легко следить за успешным ходом перевода не с английского подлинника, а с французской переделки Дюмона, имя которого переводчик обрусил.[5]

Этот перевод появился разновременно, в 3 томах, в 1805, 1806 и в 1811 годах. Но раньше его появления читающая публика могла составить себе понятие о Бентаме по статьям,

печатавшимся о нем в первом русском официальном издании министерства внутренних дел, появившемся в 1804 году под заглавием «СПб. журнал». В этом журнале печатались статьи о госпиталях, «Мысли славного Бэкона о правительстве», мнения Бентама «О распространении познания законов», «О свободе книгопечатания». Для ослабления резкого суждения Бентама о цензуре приводились мнения каких-то анонимов, что цензура вещь преполезная. Кроме многочисленных статей, извлеченных из сочинений Бентама, читающую публику знакомили с сущностью «Платоновой республики», с «Мнениями греческих философов о правлении», с учением Адама Смита, со способами истребить нищенство, с сущностью келейной системы, практиковавшейся в филадельфийских тюрьмах, писали о свободе печати, о злоупотреблении привилегиями и так далее. Словом, затрагивались такие серьезные вопросы общественной жизни, которые представляли для русских читателей совершенную прелесть новизны. И все это печаталось на страницах официального органа министерства внутренних дел. Не надо забывать, что инициатором и вдохновителем этого органа был М. М. Сперанский. Этот энергичный, высокодаровитый деятель носился тогда с мыслью о коренных реформах государственного строя на новых началах, желал покончить навсегда со стариной, или, как он любил выражаться, «trancher dans le vif, tailler en plein drap». Правительство в лице своих лучших представителей желало обновления общественной жизни, насаждения законности, распространения просвещения. Темные силы, таившиеся в недрах служилого сословия, тяготевшие к заветной для них старине, не жалели труда, чтобы по возможности затормозить поступательное движение вперед. Эти-то силы приобрели влиятельных союзников и покровителей у себя и за границей. Во главе группы реформаторов-борцов стояли Сперанский, Мордвинов, Салтыков, Чарторыйский, Чичагов и другие деятели, одушевленные идеями Бентама. Представителями отсталых элементов русского общества явились барон Розенкампф, Шишков, Магницкий, Аракчеев, архимандрит Фотий; они пользовались сочувствием всемогущего в то время австрийского дипломата Меттерниха. Между идеями Бентама и деятельностью Меттерниха – этого Бисмарка первой половины истекающего столетия – лежала целая бездна. Излишне прибавлять, что победа оказалась не на стороне последователей лондонского отшельника-философа.

Пока во главе «Комиссии составления законов» стояли люди энергичные и талантливые, вроде Сперанского, бывшего, по словам его биографа графа М. Корфа, «первою знаменитостью

молодого поколения», Бентам был уверен в успешном исходе предпринятой законодательной реформы. Но вскоре наступила реакция; положение русского реформатора пошатнулось. Враждебная партия победила, и заветное дело попало в руки злейших врагов этой реформы. Во главе Комиссии очутился остзейский законовед, барон Розенкампф, прежде горячий поклонник Бентама, когда это было в моде, а затем резко отшатнувшийся от английского мыслителя. Бентам считал барона круглою бездарностью, заурядным бюрократом, способным обесцветить самый серьезный вопрос, свести к нулю всякое плодотворное дело. Следующий факт, рассказанный одним из женевских друзей Бентама, Дювернуа, рельефно рисует легкомысленное отношение барона к своей многотрудной и ответственной задаче. Слыша кругом восторженные отзывы об английском мыслителе, которым зачитывался Салтыков, которого Мордвинов называл своим учителем, барон обратился с просьбою к Дювернуа одолжить ему сочинения Бентама для прочтения. Ровно сутки он продержал у себя эти сочинения и возвратил их Дювернуа со словами, что он успел все прочесть и целую ночь размышлял о прочитанном. Антипатия Бентама к преемнику Сперанского была так сильна, что он в письме к Государю довольно жестко отозвался об этом «радикально неспособном человеке», уверяя, что он скорее согласится посылать свои советы к повелителю Марокко, нежели в Комиссию, во главе которой стоит барон Розенкампф.

Совокупность всех этих причин невыгодно отразилась на деятельности Комиссии. Вместо живого дела, требовавшего знания, энергии и страстного отношения, потянулась обычная канцелярская канитель. Бентам с грустью увидел, что ему предстоит непосильная борьба со всемогущей бюрократией, которая относилась к нему враждебно, считала его фантазером, беспокойным человеком, вторгающимся со своим уставом в чужой монастырь. Аракчеевская партия шла напролом, захватив в свои руки все отрасли управления. Большая часть ответственных должностей была занята полнейшими ничтожествами. Надежда сделаться русским кодификатором так, как понимал Бентам задачи кодификации, все тускнела. Ему, предлагавшему бескорыстно свои услуги правительству, из любви к делу, мешали бездарности, мало заинтересованные судьбами русской кодификации, но далеко не равнодушные к чинам и наградам. Прожив два года в имениях Потемкина, он имел гораздо большее понятие о русской областной жизни, нежели многие из чиновников, никогда не выезжавших из столицы. Единственным его недостатком было иноземное происхождение.

> «Правда, – писал он Государю в мае 1814 года, – для России я чужой человек. Но я ей не более чужд, нежели любой курляндец, ливонец или финляндец. Чтобы сравниться с русскими уроженцами, мне так же необходимы разные сведения, как и им. Я бы ими воспользовался с такою готовностью, с какою желательно их сообщение».

С падением Сперанского рушилась последняя надежда на удовлетворительное выполнение Комиссией возложенной на нее задачи. Наступил иной порядок вещей, названный Бентамом *«драмой слабости и неискренности».* Прежде чем отказаться бесповоротно от осуществления долго лелеянных надежд, Бентам решился написать в мае 1814 года Государю свои desiderata – дать России свой собственный кодекс, а не копию с чужестранных сводов законов. Всего несколько месяцев потребуется для окончательной отделки уголовного кодекса, отличительным достоинством которого будет «общедоступность, точность, однообразие и простота». «Что касается вознаграждения, то честь быть избранным для такого труда, – заканчивает Бентам свое письмо, – и нераздельное с этой честью удовольствие составляет единственную награду, необходимую в моем положении, – единственную, которую мой образ мыслей позволил бы мне принять».

Почти через год Бентам получил собственноручный ответ императора Александра I. Этот ответ, написанный по-французски в Вене 10(22) апреля 1815 года, гласил следующее:

> «С большим интересом прочитал я, Мой Государь, письмо, писанное Вами ко мне и находящиеся в нем Ваши предложения содействовать Вашими познаниями законодательным трудам, имеющим целью доставить моим подданным новый кодекс. Это дело слишком близко моему сердцу, и я придаю ему такое высокое значение, что не могу не желать воспользоваться, при его совершении, Вашими знаниями и опытностью. Я предпишу Комиссии, на которую возложено исполнение этого дела, прибегать к Вашему содействию и обращаться к Вам с вопросами. Между тем, примите мою искреннюю благодарность и прилагаемый при сем подарок, в знак особенного уважения, которое я к Вам питаю. *Александр».*

Подарок, о котором упоминает император, был драгоценный перстень, вложенный в запечатанный пакет. Верный своим

принципам не принимать никакого вознаграждения за свои труды, Бентам возвратил пакет нераспечатанным. Мотив этого отказа он подробно изложил в своем письме к князю Адаму Чарторыйскому, сопутствовавшему Государю в заграничных поездках.

В июне 1815 года Бентам послал Государю чрезвычайно обширное письмо. Это был целый меморандум, весьма обстоятельный, в котором он откровенно высказал свои мысли относительно судьбы кодификации в России. Плодотворных результатов можно только ожидать от гласного обсуждения вопросов законодательных, как это принято в его отечестве. От келейной же канцелярской работы, на которую обречена Комиссия, ничего путного не выйдет. Вот, в сущности, краткий смысл длинного письма, начинающегося объяснением причин возвращения пакета с драгоценным перстнем. Он достаточно счастлив, приобретя хорошее мнение Государя, «денежная же ценность, как и сами деньги, в настоящем случае не имеют ровно никакого значения».

Это было последнее письмо Бентама к Государю. Время было крайне неудобное для проведения законодательных реформ. Все внимание было поглощено заботами об обеспечении всеобщего мира после разорительных наполеоновских войн. Это была эпоха образования Священного Союза, когда произошел крутой поворот в образе мыслей самого Александра I, всецело подпавшего под влияние идей Меттерниха, ничего общего не имевших с идеями английского мыслителя. Бентам, заботившийся о том, чтобы освободить своего царственного корреспондента от «повязки на глазах и помочей на плечах» – как он выразился в письме к князю Адаму, – не заблуждался, что его письмо не могло понравиться: «Простит ли он мне или нет – не в том вопрос. Мне нужно только, чтобы он позволил освободить себя от повязки и помочей».

События, наступившие вслед за образованием Священного Союза, убедили Бентама, что ему нечего делать в нашей стране. Он прервал все сношения с русскими государственными людьми, за исключением Мордвинова и Сперанского, с которыми переписывался вплоть до 1830 года.

Глава VI

Старость. – Предсмертная воля. – Кончина Бентама. – Утилитаризм. – Обвинение Бентама в проповеди эгоизма. – Мнение Д.-С. Милля о значении Бентама. – Заключение

Глубокая старость, достигнутая Бентамом, не ослабила его умственной мощи, не охладила горячей симпатии, которою было преисполнено его любвеобильное сердце ко всем страждущим и угнетенным. Последние годы своей жизни Бентам так же горячо ратовал за торжество своих идей, как и в лучшую пору молодости. Этот старец, убеленный сединами, оставался «юношей всю свою жизнь», как выражается его знаменитый ученик Милль, питавший к своему учителю чувство благоговейного уважения. Он жил и умер философом.

«Чистосердечие и кротость во взоре, ясность на челе, спокойствие в речах, хладнокровие в движениях, невозмутимость, соединенная с тонкой чувствительностью» – таков был портрет великого мыслителя-человеколюбца, нарисованный одним из его почитателей. Он продолжал работать на общую пользу до последней возможности, несмотря на свой преклонный возраст. Лишь за несколько дней до смерти перо выпало из обессилевших рук неутомимого борца.

Предсмертная воля 84-летнего старца вполне гармонировала со всей его трудовой жизнью, посвященной общественной пользе. Он требовал, чтобы его тело было перенесено в анатомический театр, желая быть полезным своим «согражданам и после смерти». 6 июня 1832 года Иеремии Бентама не стало, воля его была исполнена. Труп был передан доктору Соутвуду, чтобы его анатомировали и чтобы над ним читались лекции медицинским студентам и публике. Не в Вестминстерском аббатстве, этой усыпальнице знаменитых граждан, прославивших Великобританию на всех поприщах общественной деятельности, покоятся бренные останки одного из благороднейших сынов Англии. Препарированный скелет Бентама хранится в анатомическом театре Лондонского университета.

Размеры настоящего очерка не позволяют подробно останавливаться на разборе многочисленных трудов, оставленных неутомимым мыслителем. Простой перечень всего, написанного Бентамом в течение его продолжительной жизни, доказывает, что не было ни одного вопроса в области права, морали, политической экономии, который не интересовал бы глубокого

мыслителя, отзывчивого на всякий благой почин. Вся деятельность его была направлена исключительно на пользу человечеству, в самом чистом и благородном значении этого слова. Девизом его жизни было стремление к увеличению суммы наслаждений и уменьшению суммы страданий ближнего. Этим гуманным стремлением исчерпывается трудовая жизнь Бентама, в этом заключается его литературная и общественная деятельность, философское направление утилитаризма, родоначальником которого он был. В трактатах, посвященных разработке вопросов законодательных и философских, проглядывает одно желание – устроить людское общежитие таким образом, чтобы страдание людей было доведено до минимума, а сумма их удовольствий – до максимума.

Его упрекали, между прочим, в проповеди эгоизма, к которому приводит теория утилитаризма, нашедшая горячих поклонников в среде крайних партий Франции и Америки. Незадолго до своей смерти Бентам объяснил, в чем заключается его эгоизм, согретый истинной любовью к ближним. «Да, я эгоист, – писал он, – но мой эгоизм полон благоволения. Нет человека на земле, который бы так сочувствовал чужому горю, как я, или так радовался чужому счастью, если, конечно, это счастье не основано в ущерб другим».

Замечательна судьба его сочинений. Не всё, что он написал, предано печати. В 80 ящиках хранятся его рукописи, ожидающие нового Дюмона, неизвестные читающей публике. Но то, что он напечатал, имело, несомненно, утилитарную цель; он пролил яркий свет на многие вопросы права, философии и государствоведения. При жизни многие считали Бентама утопистом, многие солидные люди относились к его выводам как к парадоксам. После смерти немало этих парадоксов получили силу действующего закона, сделались достоянием общественного правосознания. Джон Стюарт Милль говорит, что Бентам был больше великим реформатором в философских вопросах, нежели великим философом. Он сделал для политики и морали то, что Бэкон – для естественных наук. По словам известного английского юриста, сэра Джеймса Стивенса, Бентам имел такое же влияние на законодательство, какое Адам Смит – на политическую экономию.

Долго боролся он с архаическими злоупотреблениями, пустившими глубокие корни в английском законодательстве и в британской общественной жизни. Борьба была упорная и жестокая; идеи Бентама туго принимались на его родине. Иностранные государства проявили больше чуткости к голосу великого старца, призывавшего все народы к обновлению своего

государственного устройства, к более справедливому урегулированию социальных отношений. Даже многие американские штаты устроили свои правоотношения под влиянием учения Бентама. В конце концов он одержал верх и над своими упорствовавшими земляками. Его голос был услышан в самых окаменелых сферах правящих классов родины Шекспира и Байрона. Англия приступила к реформам, необходимость которых была указана Бентамом.

«Молодым человеком, – говорит Милль, – он начал эту борьбу и только на закате дней своих был услышан. Потомство с трудом поверит в силу предрассудков, оберегавших английское законодательство от всяких попыток духа исследования. Честь победы всецело принадлежит Бентаму. Только его замечательным дарованиям, изумительной настойчивости, твердости духа, практическому смыслу, его методу и привычке к синтезу он обязан этой победой. Он не был разрушителем по преимуществу, – напротив, он созидал на обломках разрушенного. Он поучал, как надо заменять устарелые учреждения новыми, отвечающими насущным потребностям страны. До него философия права была хаосом, он ее сделал наукой».

Шестьдесят с лишним лет прошло со дня смерти Иеремии Бентама. Потомки не только не забыли заслуг, оказанных им науке и человечеству, но, напротив, стараются загладить несправедливость современников философа, не вполне усвоивших его возвышенные стремления, направленные к улучшению участи обездоленных людей. Большинство его проектов, казавшихся испуганным современникам недосягаемой утопией, мало-помалу проникают в жизнь, делаются составною частью действующего законодательства. Конечно, немало его мыслей до сих пор остаются в области благих пожеланий, – но придет время, и на них обратят внимание. Даже такие проекты, казавшиеся совершенно несбыточными в момент их появления в печати, как, например, его мечта о вечном мире, теперь потеряли значительную долю своей фантастичности, граничившей с чистейшей утопией. Все громче и громче раздаются голоса, указывающие на необходимость положить предел тревожному росту вооруженных сил, росту, грозящему в близком будущем обратить всю Европу в один сплошной вооруженный стан. Мысль о всеобщем разоружении как о единственном исходе из ненормального экономического положения, разорительного для всего цивилизованного мира, все глубже проникает в общественное сознание. От дальнейшего развития этой мысли недалеко до установления такого международного судилища, при

существовании которого вооруженное столкновение будет до крайности затруднено.

Всю силу своего ума Бентам посвятил одной идее, озарявшей его жизнь. Эта идея состояла в посильном служении человечеству, во имя его «пользы» и «счастия». В пользе и счастии человека, как единичного, так и общественного, он видел завидный удел и единственную задачу законодателя. Во имя этой дорогой, истинно человечной идеи он боролся всю жизнь со всяческими уклонениями от его идеала, со всяческим злом и несправедливостью. Этим стремлением проникнуты все его сочинения, посвященные детальной разработке разных отделов права, процесса, государствоведения и философии. И в этом отношении он вполне заслужил меткое название, данное ему Робертом Молем. Он действительно был «великим учителем в науке и в жизни».

Значение Бентама «в науке и в жизни» далеко не исчерпано той обширной литературой, которая посвящена великому мыслителю. Его многосторонняя деятельность все больше раскрывается – благодаря новейшим исследованиям о нем. Первостепенные ученые Запада ставят его в один ряд с величайшими деятелями, составляющими гордость и красу европейской культуры. В согласном хоре писателей, воздающих Бентаму должное по его заслугам, встречается, однако, один диссонанс крайне неприятного свойства. Бывший профессор Московского университета Б. Н. Чичерин в своей «Истории политических учений» посвятил Бентаму и его учению пространную статью. Излагая это учение, почтенный ученый, к немалому изумлению читателя, называет Бентама «крайне ограниченным умом», ограниченным человеком, чуть не тупоумным. Это, очевидно, lapsus lingae или типографская ошибка. Иначе нельзя себе объяснить, каким образом можно посвятить человеку с «крайне ограниченным умом» обширную статью в 60 с лишним страниц, как можно такого скудоумного человека поставить рядом с Макиавелли, Локком, Кантом и другими светилами западноевропейской науки! Ограниченных людей обыкновенно оставляют в покое, их не опровергают, им не возражают – их просто игнорируют.

В новейшей истории Англии есть немало славных имен людей, посвятивших свои дарования делу служения всему человечеству, не ограничивавших своей благотворной деятельности пределами родной страны. Эти люди оказали великие услуги на разных поприщах публичной деятельности, или, вернее, общественной пользы, в области точных наук и отвлеченного мышления, поэтического творчества, ораторского

искусства, литературы и публицистики. Их имена известны всем – излишне называть их. К числу таких имен принадлежит и Иеремия Бентам. Вряд ли найдется хоть один культурный народ на обоих полушариях, который бы не воспользовался бескорыстными услугами знаменитого кодификатора при составлении свода законов или новой политической организации своей страны. И не забудется это славное имя в народной памяти. Все, кому дороги интересы правды и справедливости, с глубоким уважением будут вспоминать о заслугах незабвенного Иеремии Бентама.

Источники

1. The Encyclopedia Britannica. Vol. 5, page 655. Eighth Edition.

2. *D-r John Bowriug.* The Works of Jeremy Bentham. Edinburgh, 1843, 11 volumes.

3. *E. Dumont.* Oeuvres de J. Bentham. Bruxelles, 1829-34, 1840, 6 volumes.

4. *P. Larousse.* La grande Encyclopédie, vol. 6, page 217.

5. *Robert von Mhol.* Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erlangen, XVIII, Th. 3, s. 595–635 («Jeremias Bentham und seine Bedeutung für die Staatswissenschaften»).

6. S. *Raffalowich.* Bentham. Principes de législation et d'économie politique. Paris, 1887.

7. В. С. *Иконников.* Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873.

8. *А. Н. Пыпин.* Русские отношения Бентама. – «Вестник Европы», 1868, №№ 2 и 4.

9. Б. *Н. Чичерин.* История политических учений. Москва, 1874. Ч. 3, с. 256–321.

notes

Примечания

1

В своей «Хрестоматии» Бентам следующим образом характеризует родительское честолюбие, которое не удалось осуществить: «Честолюбие аптекаря, – говорит он, – состоит в том, чтобы видеть своего сына препрославленным врачом, атторнея – чтобы сын его был лордом-канцлером, сельского священника – иметь сына архиепископом».

«ура-патриотизма» *(фр.)*

Впоследствии лорд Лэндсдоун.

4

Ромильи был одним из лучших лондонских адвокатов.

5

Вот под каким заглавием появился Бентам в этом переводе, состоявшемся по Высочайшему повелению: «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной Книги законов и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов. Соч. Английского юрисконсульта Иеремии Бентама. Изданное в свет на французском языке Степаном Дюмоном, по рукописям, от автора ему доставленным. Переведенное Михаилом Михайловым, с прибавлением дополнений, от г-на Дюмона сообщенных».